

Символ в парадигме интер-когнитивной контактологии

Николаева О.В.,

д-р филол. наук, проф. кафедры лингвистики

и межкультурной коммуникации ДВФУ

Категория *символ* принципиально значима для изучения многомерных интер-когнитивных контактов. *Символ* как научная категория имеет достаточно длительную историю изучения с самых разных областей гуманитарного знания. *Метатеория* символа разрабатывалась в философской герменевтике, феноменологии, лингвистике, лингвосомиотике, поэтике текста, культурологии, антропологии, мифологии, фольклористике, искусствоведении, психологии и других науках и научных направлениях.

Подходы, с позиций которых категория *символ* рассматривается в современных гуманитарных исследованиях, опираются на относительно сформированный общенаучный теоретический фундамент, а потому не могут быть абсолютно изолированы друг от друга. Напротив, они отличаются взаимопересечением, междисциплинарностью и ориентацией скорее на проблему, чем на одну научную дисциплину.

Так, в науке о языке символ сегодня рассматривается как особая категория, в которой находят отражение мыслительные, языковые, аксиологические и культурные процессы. Изучаются различные аспекты символа: лингвистические, семиотические, художественные, стилистические, когнитивные, философские. При этом в одних работах категория *символ* стоит в центре внимания исследователя [Загидуллина, 2010; Иванов, 2002], обуславливая выдвижение новых его трактовок, в других трудах данная категория привлекается исключительно в качестве методологического инструмента для решения разнообразных теоретических и исследовательских задач [Мерзлякова, 2006; Николаева, 2011].

Общенаучная проблематика символа наследуется и другими, сравнительно новыми и молодыми направлениями науки о языке, возникающими на стыке областей знания, такими как когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

В условиях современного интегрированного изучения символа как научной категории необходима систематизация накопленных концепций и подходов, в том числе междисциплинарных, возникающих в результате «кооперативных эффектов» в процессе взаимодействия нескольких предметных областей.

Целью настоящей работы является инвентаризация принципов исследования категории *символ*, методологически целесообразных для его изучения с позиций лингвокультурологии.

Сложность этого многомерного явления демонстрирует уже сама проблема определения символа. Аналитический обзор, содержащий систематизацию значений лексемы *символ* в общем употреблении и в гуманитарных терминологиях, представлен в работе Н.Б. Мечковской [2008, с. 54]. Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой дает следующее определение символу: «*Символ* – знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной» [Ахманова, 2004, с. 404]. В то же время во многих современных научных исследованиях отсутствует даже попытка толкования данного понятия, которое (понятие) хотя часто и рассматривается как необходимое, но используется и трактуется интуитивно. Как отмечает Ю.М. Лотман, «даже если мы не знаем, что такое символ, каждая система знает, что такое «ее символ», и нуждается в нем для работы семиотической структуры» [Лотман, 2000, с. 191].

Изучая категорию *символ* в герменевтическом контексте, А.Ю. Нестеров отмечает: «Символ как научная категория до сих пор не нашёл своего конечного определения, и, учитывая потенциальные возможности гуманитарного знания, вряд ли его найдёт в ближайшее время» [Нестеров]. Автор подчеркивает, что символ представляется «некоторым проблемным

полем, мы можем лишь проследить какие-то внутренне непротиворечивые пути, по которым движется осмысление этой категории» [Нестеров].

Очевидно, что определение символа зависит от многих проблемных вопросов, связанных с его изучением. В рамках различных подходов обсуждаются и по-разному решаются вопросы знаковой / незнаковой природы символа, механизмов формирования, функционирования и понимания символа, содержания и структуры символа.

Общие принципы семиотики как «науки о знаках» были сформулированы одновременно и независимо друг от друга на основе наблюдений над естественным языком в работах Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра. Основным положением семиотической теории Ч.С. Пирса является типология репрезентантов (т.е. знаков), основывающиеся на видах знакообозначения, которые, в свою очередь, опираются на различные взаимоотношения между означающим и означаемым знака. В классификации Ч.С. Пирса символы выделяются наряду с иконическими и индексальными знаками: «Если иконический знак отличается отношением подобия между означающим и означаемым, то для индексального знака отношение подобия заменяется на отношение смежности». Что же касается знака-символа, то для его структуры характерно отсутствие какой-либо действительной связи между означающим и означаемым [Пирс, 2000, с. 98]. Так, фотографический снимок человека, отражающий действительное сходство объекта и изображения, именуется как *иконический знак*. А какая-либо деталь, взятая в качестве означающего для всего объекта, выступает уже в качестве *знака индексального* (например, изображение автобуса в качестве знака автовокзала).

Символом же будет являться изображение красного прямоугольника в качестве дорожного знака «проезд запрещен», поскольку он является чисто конвенциональным, принятым по соглашению знаком. Какая-либо связь между означающим и означаемым, кроме той, что устанавливается по

соглашению в данной культуре, в этом знаке отсутствует [Пирс, 2000, с. 30, 101].

Чарльз Пирс, говоря об иконичности и индексальности, опирается на референтную мотивированность; выделяя символы, он обращается к мотивированности системно-конвенциональной. Выделенные Пирсом главные классы знаков не образуют замкнутых сфер, но постоянно накладываются друг на друга. Одно и то же явление может выступать в различных ипостасях и как индекс, и как иконический знак, и как символ.

Ф. де Соссюр основными свойствами знака считает его линейность и произвольность, т.е. немотивированность. В то же время особенностью символа, по Ф. де Соссюру, «является то, что он никогда не бывает полностью произвольным; символ не пуст. В символе есть остаток связи между идеей и знаком» [Соссюр, 1999, с. 101].

Таким образом, в начале XX века независимо друг от друга сформировались две полярные теории относительно знака и места символа в теории знака.

В отечественной науке трактовка символа получила новое развитие. В работе «Проблема символа и реалистическое искусство» российский философ и филолог А.Ф. Лосев пишет, что символ вещи есть «внутренне-внешняя выразительная структура вещи, а также ее знак, по своему содержанию не имеющий никакой связи с означаемым содержанием. <...> Однако, символ вещи есть тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности. <...> Символ есть ни что иное, как развернутый знак» [Лосев, 1995, с. 150]. Показательно то, что отечественная школа, прежде всего, подчеркивает *социальную значимость* символа. А.Ф. Лосев отмечал, что «символ может рассматриваться как *специфический фактор социокультурного кодирования информации* и одновременно как *механизм передачи этой информации*» [Лосев, 1995, с. 172], т.е. подчеркивается его *включенность в социальный контекст* – его традиционность и понятность. В концепции А.Ф. Лосева символ – это

«известного рода отражение, но уже в сознании и мышлении, а не просто в самой же физической или физиологической действительности» [Лосев, 1995, с. 201].

Таким образом, автор акцентирует внимание на том, что символ – это, прежде всего знак, фактор социокультурного кодирования информации, механизм передачи этой информации, а формирование символа связано с процессами мышления, сознания. Как мы видим, А.Ф. Лосев предлагает развернутое описание многообразных свойств категории *символ*.

Лингвокультурный подход к изучению категории *символ* заложен в трудах литературоведа, культуролога и семиотика Ю.М. Лотмана. Стержневая группа символов, полагает автор, глубоко *архаична* и восходит к дописьменной культуре. <...> «Символы хранят глубинные сюжеты, являясь *механизмом памяти культуры* и ее единства: они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Символ – это *посредник между синхронией текста и памятью культуры*. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения. <...> Символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума» [Лотман, 2000, с. 145].

Сложность понятия *символ* приводит ученого к идее о целесообразности решать проблему определения применительно к частным задачам, ибо «природа механизмов», на основе которых создается и используется символический объект в самых разных знаковых системах, «исключительно трудно сводится к какому-нибудь инварианту» [Лотман, 1992, с. 239]. По мнению Ю.М. Лотмана, «символ может получать определение в зависимости от специфики каждой частной семиотической системы, в которой он имеет обращение» [Лотман, 1996, с. 191]. Таким образом, автор объясняет символ с точки зрения семиотики культуры и заключает, что символ является «конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры» [Лотман, 1996, с. 192].

Лингвокультурологический подход к категории *символ* развивает в своих трудах В.А. Маслова. Автор выделяет архетипическую природу символа и рассматривает его как «некоторый культурный объект, значение которого является конвенциональным (т.е. закрепленным в словарях) аналогом значения иного объекта (в культурологии, социологии и ряде других гуманитарных наук)» [Маслова, 2001, с. 114]. При этом автор считает, что сфера человеческой деятельности довольно широка, поэтому необходимо учитывать смысловые последовательности, возникающие при функционировании символа в различных областях научного знания. Таким образом, предлагается рассматривать понятие символ в зависимости от научной дисциплины, которая занимается изучением категории *символ* [Маслова, 2001].

Невозможность свести к одной модели все функции и типы символов, принадлежащих различным обществам, социокультурным группам, творческим индивидам можно объяснить тем, что у всех имеется и формируется свое, часто интуитивное, как отмечалось ранее, определение символа, которое соответствует тем или иным характеристикам, посылам, акцентам.

В работе «Проблемные аспекты языкового символизма» Н.В. Иванов, придерживаясь *семиотического подхода* в рассмотрении категории *символ*, подчеркивает его *эмоциональную составляющую*. Символ, в понимании автора, есть, прежде всего, некий *знак*, «сложнейший итог» смыслового становления знака и содержательной основы – образа [Иванов, 2002]. Это можно понять как «открытие знака в объекте». Открытие знака происходит на вершине целостного чувственного восприятия и осмысления объекта субъектом. Таким образом, «субъективное чувство, эстетическое или эмоциональное переживание, наполненное социально или культурно значимым нравственным содержанием» [Иванов, 2002, с. 61], вот, что составляет собственное значение чистого натурального символа.

Культурно-ценностную значимость символа отмечает и А.А. Загидуллина [2010]. Автор подчеркивает, что «система символов содержит зашифрованную этнолингвокультурологическую информацию, которая фиксирует аксиологически-значимые ситуации, события, факты и передает ценностно-смысловую природу этноязыкового сознания» [Загидуллина, 2010, с. 31].

Считаем, что все названные выше принципы методологически значимы для изучения категории *символ* с позиций интер-когнитивной контактологии.

Определено, что категория *символ* в парадигме интер-когнитивной контактологии основывается на следующих положениях. Символы всегда репрезентируются *концептами*, и без концепта не может быть и символа [Иванов, 2002, с. 98]. По Ч.С. Пирсу, *мысль* есть главный, если не единственный, способ репрезентации знака [Пирс, 2000, с. 274]. М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский отмечают, что «символ «видится» (или «вспоминается») как такая странная Вещь, которая одним своим концом «выступает» в мире вещей, а другим – «утопает» в действительности сознания» [1999, с. 26].

В основе символа лежит *образ* [Загидуллина, 2010; Иванов, 2002], который проходит стадию «возвышения» или «восхождения». Образ формируется как результат чувственного восприятия, как психологическая сущность, ассоциативно соотносимая с конкретным объектом и отражающая эмоционально-оценочную реакцию [Иванов, 2002, с. 27].

К символу всегда ведет движение вверх – «до символов возвышаются, поднимаются, вырастают, разрастаются» [Мерзлякова, 2006, с. 82]. Если символизирующее это всегда что-то осязаемое и конкретное: песня, цвет, рисунок, жест, то символизируемое – это абстрактное понятие, идея, моральный принцип [Загидуллина, 2010, с. 30].

Переход от образа к символу определяется факторами экстралингвистического порядка [Загидуллина, 2010; Иванов, 2002; Лотман, 1996]: историческими, социальными и психологическими, которые

формируют стимул для символизации образа. Актуальные для общества (находящегося в активной стадии становления) идеи находят образные способы воплощения в культуре и языке, в результате чего и происходит символизация разнообразных реалий, включая реалии обычной, повседневной жизни разных этнокультурных групп.

Многообразие ассоциаций относительно символизируемого создают концептуальную силу, объемность и многомерность символа [Загидуллина, 2010, с. 35; Лотман, 1996, с. 195]. Согласно Ю.М. Лотману, смысловые потенции символа всегда шире их данной реализации: связи, в которые вступает символ, не исчерпывают всех его смысловых валентностей, что и образует смысловой резерв, с помощью которого символ может вступать в неожиданные связи [Лотман, 1996, с. 193].

Следует отметить, что структура и содержание символа практически не являлись предметом специального изучения. М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский отмечают, что «любая содержательность символа выступает как совершенно пустая оболочка, внутри которой конституируется и структурируется <...> содержание, которое мы называем 'содержательностью сознания' <...> в своей натурной вещиности никакой символ не может прямо соотноситься с одной данной конкретной содержательностью (или структурой) сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1999, с. 85, 144]. Дж. Лакофф, отмечая, что чаще всего символы рассматриваются либо как не имеющие значимой внутренней структуры, либо как сложные образования со структурой из строительных блоков, выдвигает идею о гештальтной структуре символов [Lakoff, 1987, p. 207].

Таким образом, проведенный анализ категории *символ* показал, что многие проблемные вопросы, связанные с его изучением (проблема определения, проблема его знаковой / незнаковой природы, процессов формирования и функционирования, содержания и структуры), еще ждут своего разрешения.

Сделан вывод, что в ходе символизации образа в коллективном сознании происходит выбор и абсолютизация концептуальных смыслов, потенциально способных нести мощный аксиологический заряд. Поскольку процедура символизации детерминирована этносоциокультурным контекстом и ценностными приоритетами, то заимствование инокультурных символов представляет особый интерес с точки зрения сдвигов в когнитивной идентичности реципиента чужой символики.